

Владислав Фелицианович Ходасевич

Графиня Е. П. Ростопчина

Владислав Ходасевич
Графиня Е. П. Ростопчина

«Public Domain»

1908

Ходасевич В. Ф.

Графиня Е. П. Ростопчина / В. Ф. Ходасевич — «Public Domain», 1908

«...Творчество Ростопчиной никогда не предваряло жизни, никогда не подчиняло действительного мира творимому. Наоборот, само оно по пятам следовало за жизнью, вмещалось в нее целиком. Жизнь Ростопчиной, такая обычная и такая трогательная в своей банальности, все-таки в чем-то крупнее ее поэзии. Именно поэтому в книгах ее так много похожего на лирический дневник, так много автобиографических намеков и прямых воспоминаний, столько стихотворений «на случай», посвящений, «ответов». Но самая жизнь, запечатленная в этих воспоминаниях, похожа на старинный роман: не такой, чтобы ему суждено было отчеркнуть главу в истории литературы, не такой, чтобы именем его героини впоследствии назвалась целая эпоха, а – средний роман среднего, не слишком изобретательного писателя о среднем герое. Можно сказать: ничто так не похоже на роман самой Ростопчиной, как ее собственная жизнь...»

© Ходасевич В. Ф., 1908

© Public Domain, 1908

Владислав Фелицианович Ходасевич

Графиня Е. П. Ростопчина

*Храни мой слабый след, храни о мне преданье.
Ростопчина*

I

Если вычеркнуть из биографии Ростопчиной все то, что относится к литературной ее деятельности, получится описание самой обычной жизни барышни и дамы, жившей в первой половине минувшего столетия. Барышня, дама – вот образы, прежде всего встающие перед нами в биографии поэтессы, некогда славной, ныне забытой. Поэзия, судьба литературная только резче вычерчивают контуры этих образов.

Творчество Ростопчиной никогда не предвляло жизни, никогда не подчиняло действительного мира творимому. Наоборот, само оно по пятам следовало за жизнью, вмещалось в нее целиком. Жизнь Ростопчиной, такая обычная и такая трогательная в своей банальности, все-таки в чем-то крупнее ее поэзии. Именно поэтому в книгах ее так много похожего на лирический дневник, так много автобиографических намеков и прямых воспоминаний, столько стихотворений «на случай», посвящений, «ответов».

Но самая жизнь, запечатленная в этих воспоминаниях, похожа на старинный роман: не такой, чтобы ему суждено было отчеркнуть главу в истории литературы, не такой, чтобы именем его героини впоследствии назвалась целая эпоха, а – средний роман среднего, не слишком изобретательного писателя о среднем герое. Можно сказать: ничто так не похоже на роман самой Ростопчиной, как ее собственная жизнь.

Кто же героиня такой «средней» русской повести? Она, конечно, должна происходить из хорошего дворянского рода, отец ее – или чиновник, или помещик. Отец Ростопчиной, Петр Васильевич Сушков, был чиновник. Мать происходила из помещицкой семьи Пашковых. Родилась Ростопчина в Москве и в ней выросла. Памятью нашествия Наполеона осквернена у нас первая половина XIX столетия, с этим нашествием так или иначе связаны были все судьбы: Ростопчина родилась ни рубле двенадцатого года – 23 декабря 1811 г.

Ей предстояло стать героиней трогательного романа. Такие герои рано остаются сиротами: мать Ростопчиной умерла, когда маленькой Додо было всего шесть лет. Отец, по делам то служебным, то семейным, был в непрестанных разъездах. Додо его почти не видала. Точно так же и Марина, героиня романа Ростопчиной «Счастливая женщина», в детстве «знала, что у нее есть отец, подобно тому как каждый из нас мог бы знать, что у него есть своя звезда, хранительница и сопутственница, данная роком, но почти не видала своего отца, как все мы не можем видеть своей звезды».

Будущих героинь воспитывали бабушки и дедушки: Додо жила в доме отца покойной своей матери, И. А. Пашкова. Но известно всем, что дедушки днем запираются в своих кабинетах, а по вечерам играют в карты. Таков был и старик Пашков. Женщины, окружающие в домашнем быту девочку, которой предстоит жить в «свете», делятся на светских дам, светских барышень и светских старых дев: бабушка Додо Сушковой была светской дамой, одна из теток, дочерей бабушки, светской барышней, позднее вышедшей замуж, а другая так и осталась светской старой девой. Визиты, обеды, балы, французский язык, немного литературы, сурьма, пудра и сплетни – вот жизнь этих женщин. Ясно, что им некогда было воспитывать Додо. К тому же героиня светской повести с детства должна быть сдана на руки

гувернеров, гувернанток, учителей французского языка, музыки и танцев. Среди этих людей протекло детство Додо.

Чуть ли не все русские поэты первой половины прошлого века находили в детстве какую-то таинственную, отцовскую или дедовскую, полуфранцузскую, полурусскую библиотеку. Эта чудесная библиотека раз навсегда покоряла детское сердце, становилась милым убежищем и единственной отрадой. В точности не известно, нашла ли и Ростопчина в свое время такую библиотеку, но можно предположить, что и в этом судьба ее не отличалась от средней судьбы будущего мечтателя: семья Сушковых далеко не чужда была литературы, и в раннем возрасте Евдокия Петровна самостоятельно познакомилась со словесностью, как отечественной, так и европейской. «Книги заменяли ей воспитателей» («Счастливая женщина»). Произведения Шиллера, Байрона, М. Деборд-Вальмор, Жуковского, Гете, Карамзина рано сделали ее мечтательницей. Мир загадочный и романтический пленил ее воображение. Высокие чувства, пылкие страсти, характеры решительные и гордые – все это говорило ей о некоем бытии, прекрасном и полном.

Но дома, в семье, приютившей ее, не в бытии, но в быте, вставала горькая правда действительности, маленькие волнения фамусовской Москвы. Ничтожество модничанья бабки, сплетни теток – все это рано научило Додо противопоставлять скучную ее жизнь прекрасному и полногласному миру, созданному в ее воображении поэтами.

Еще двенадцати лет Додо сама стала писать стихи. Как водится, своевременно была написана и сожжена первая подражательная поэма «Шарлотта Кордэ». Ни эта поэма, ни ранние стихи, кроме одного французского экспромта, до нас не дошли. Вероятно, это были более или менее восторженные «мечты неопытной души» о чем-то неопределенно высоком и неопределенно героическом.

II

Зимой 1828 года произошло в жизни Додо событие, вообще важное в жизни ее современниц, а для нее ставшее даже роковым: это был тот «первый бал», «первый выезд», о которых так много писалось в былых романах. С этого дня Додо посвящена «свету». Кончилось детство, и о нем вскоре она уже только вспоминает:

Дни детства, полные страданья,
Неконченных, неясных дум,
Когда в тревожном ожиданье
Мой юный оперялся ум,
Когда в тиши, в уединенье,
Событьем были для меня
Небес вечерние явления,
И ночи мрак, и прелесть дня.

Теперь, «в осьмнадцать лет», хотелось иных, более реальных, захватывающих событий, хотелось ближе изведать то прекрасное бытие, о котором когда-то так неполно и смутно мечталось.

Стоило у Островского Бобылю подойти поближе к Снегурочке, как на место ее подвертывался корявый леший. Стоило бедной Додо попытаться приблизиться к мечтанному бытию, как на месте его оказывался все тот же быт: «свет», то есть бесконечное множество все тех же бабушек и теток. Но все-таки она знала, что где-то за «светом» есть подлинно прекрасный, воистину светлый мир. Однако не приходил царевич, чтобы расколдовать этот темный быт, спасти Додо от действительности. И ей казалось уже, что лучше умереть:

Дай Бог, чтоб младости, безрадостной, бесчарной, Скорее наступил желаемый конец,
И чтобы смерти дух, крылатый, светозарный, Надел на голову мне маковый венец.
Бедной девочке кажется, будто ей уже поздно мечтать о счастье:

Я верю горю без сомненья,
Но к счастью в сердце веры нет!

Все это ужасно грустно, но так и должно быть. В конце концов, двадцать лет, бабушки и тетки берут свое: Додо не умирает, а выезжает в свет, она не в силах ему противиться, она блистает. Временами ей самой кажется, что «идеал» позабыт:

Я в горний мир не увлекаюсь,
Я песней сердца не пою...
Но к хладу жизни приучаюсь
И уж существенность люблю.
Существенность! Она решенье
Загадки жизни...

Такие мрачные афоризмы пишет Додо Сушкова в 1832 году. Она уже собирается «подписать с мечтой разрыв».

Итак, жить более незачем, героиня побеждена, она слабеет... Самое время явиться живительной «первой любви». И она, конечно, является. На балах Додо имела чрезвычайный успех. Она была очень красива. Поклонники ее окружали. Немало было среди них выгодных и блестящих партий. Но ведь все же мы знаем, что сердце героини должно принадлежать молодому человеку бедному, хотя и благородному, с чувствами неподдельными, с душою, открытой для всего поэтического и возвышенного. Таким молодым человеком был, кажется, князь Александр Голицын. Их первая любовь должна быть несчастна. Может ли героиня любить без препятствий? И в самом деле, бабушка с тетками порешили, что для Додо Голицын не пара. Были, конечно, и слезы, и жалобы, но, в конце концов, Додо покори-лась. Она дала согласие богатому и не менее знатному жениху, сосватанному тетками, графу Андрею Федоровичу Ростопчину, сыну знаменитого московского главнокомандующего. Об этом сватовстве кузина Додо, Е. А. Хвостова, рассказывает:

«Свадьба эта сладилась совершенно неожиданно для всех нас и грустно удивила меня. Кузина, за неделю до решения своей участи, писала мне и с отчаянием говорила о своей пламенной и неизменной любви к другому. Но как выразить мое удивление, я не верила глазам и ушам своим, когда меня встретила кузина, не бледная, не исхудалая, но веселая, цветущая, счастливая. Первое ее восклицание было: „Представь себе, Catherine, вся Москва завидует моей участи, моим бриллиантам, а какой у меня будет кабинет! просто игрушечка; жених мой во всем советуется со мной“. Мне сделалось невыносимо грустно: неужели, думала я, и мне суждено выйти замуж по расчету?»

Это было в мае 1833 года, Додо не была героиней трагедии: ей не предстояло умереть, как Джульетте, а предстояло, как героине печальной, банальной повести, сполна изведать «существенность» и действительно подписать разрыв с былыми мечтаниями. Она стала графиней Ростопчиной.

Злые языки говорили, что Додо, которой уж очень не хотелось выходить за Ростопчина, пыталась пойти на компромисс; существует следующий анекдот: за ней усердно ухаживал тогдашний московский лев, князь Платон Мещерский. Однако формального предложения он не делал. И вот будто бы на балу у генерал-губернатора, чтобы толкнуть Мещерского на решительные действия, Додо сказала ему, что, кажется, принуждена будет выйти замуж;

на это Мещерский ответил: «Стыдитесь, Додо, с какой целью вы мне это говорите?» Весь анекдот носит характер запоздалой светской сплетни: через двадцать семь лет после смерти Ростопчиной автор заметки все еще находит нужным укрыться за псевдонимом: Старушка из степи. Но можно все же заметить, что достоверно одно: московское общество и тогда уже знало: Додо Сушкова идет под венец не по доброй воле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.